

Сережа, ролей вы сыграли немало, но для публики по-прежнему один из гардемарин. Это не раздражает?

— Не могу сказать, что очень к этой работе отношусь хорошо, с любовью даже. Скорее как-то неловко становится. "Гардемарин" случился достаточно давно, после них были другие картины. И когда мальчишки на улице, завидя меня, стали говорить: "У-у, "Сердце трех"... — я было обрадовался. Думал, все, "заломал", ан нет. Теперь вот надеюсь на "Королеву Марго".

— Это ваш новый проект?

— Мос производство. Пятидесятисерийная экранизация романа Дюма "Королева Марго" и "Графиня Монсоро" для телевидения, которую делают режиссеры Александр Муратов и Владимир Попков. К началу съемок готовился полтора года. Месяцев восемь уговаривал телевидение согласиться, результатов никаких. А я уже начал тратить деньги на сценарий, на выбор натур, актеров. И совершил "прыжок через голову", пошел прямо в кабинет генерального директора "Останкина". На следующий же день был подписан контракт.

Поначалу собирались взять на "Мосфильме" павильончик и натурную площадку, оставшуюся от съемок "Осады Венеции", дорогие костюмы пустить по первому плану, а всех, кто сзиди, одеть в рогожку, звук писать живую. Ну прямо "Просто Мария"! А дальше стали "обрастать": костюмы из бархата, парчи и кожи, пленка "Кодак". Потом выяснилось, что натуре негде снимать и надо ехать в Чехословакию, что сценарий нехорош, нужно переписывать. В результате нынешняя смета превышает пять миллионов рублей.

— И откуда берете деньги? Или вы миллиардер?

— Никакой не миллиардер, хоть и живу выше среднего уровня. Квартира какая-никакая, машина служебная — никаких чудес нет. Конечно, я не нищий: могу приобретать вещи, какие хочу, покупать в магазине продукты, не считая денег, хоть меня и ругает потом жена. Я из очень небогатой семьи, и какие-то провинциальные комплексы с детства остались. Не люблю деньги, но, не дай Бог, если кто скажет, что у меня их нет. Это будет что-то страшное, не переживу — пойду, возьму их и покажу: "Вот вам!" Но миллиарды, о которых речь, лично ко мне отношения не имеют, это деньги "Останкина". Хотя и свои средства в проект вложил как продюсер. Сериал — дело прибыльное.

— Почему вы, один из самых снимающихся актеров, ушли в продюсера?

— Последнее время я очень мало снимаюсь: один фильм в год. А в продюсера ушел, потому что доставляет удовольствие делать прогнозы, которые сбываются. Видимо, есть какой-то нюх, хотя коммерческой жилкой не могу похвастаться. Если бы она была, я бы нефть продавал или банкиром стал. Но мне это неинтересно, как и быть только артистом — не мужская это профессия. Не хочу обижать коллег по цеху, но я очень боюсь актерских проявлений в жизни, по крайней мере в себе.

— А какие качества нужны продюсеру?

— Нужно верить в то, что делаешь, и быть немного сумасшедшим. И еще уметь зажать своей верой остальных. Это очень сложно, потому что заставить всех быть единомышленниками почти невозможно. К тому же мои проекты всегда амбициозны, как и я сам, люди более спокойные и менее честолюбивые с трудом на них подбиваются. Ты говоришь: "Давай сыграем!", а человек тебе в ответ: "Ставка не моего размера". И самое сложное — убедить его в обратном.

— Это как азартная игра?

— Как шахматы на деньги. Но для меня не деньги важны, а результат. Наверное, со стороны я как продюсер кажусь очень противным, людей увольняю с работы. Хотел бы выглядеть хорошим, но не быть жестоком не могу. Во всяком случае, пытаюсь быть честным, вести себя порядочно и исполнять то, что обещаю. К сожалению, мне не хватает хозяйской аккуратности, люблю сильно размахиваться. Зато я, может быть, вернее тех людей, которые землю носом роют, вижу цель, всегда точно

Его непривычно наблюдать в гражданском костюме. Этому актеру больше пристали мундир гардемарина, рыцарские латы, плащ и шпага авантюриста. Романтический герой Сергей Жигунов явно отдает предпочтение. Но это — в кино. А в жизни он ныне выступает вовсе не в романтическом качестве продюсера. Вот и получается:

НА ЭКРАНЕ — СО ШПАГОЙ, В ЖИЗНИ — С КАЛЬКУЛЯТОРОМ

знаю, куда иду. И уже привык говорить: "Мое кино".

Свои роли тоже стал подбирать под собственное производство. И когда нахожусь на площадке, контролирую всю работу. На съемках отмахал свое, стукнул Харатьяна шпагой по голове, тут же отскочил, кричу: "Где директор?" Бегит директор, я ему: "В чем дело, где обед?" Тут приезжает бухгалтер — я к нему: "Деньги привезли? Немедленно выплатите двадцать шесть миллионов!" В это время постановщик спрашивает: "Продолжаем?" — "Конечно, кстати, я в кадре не очень оскалился?" Никто вокруг не понимает, как я в такой ситуации могу оставаться актером. А я работаю, мне хорошо — "семья" со мной. Такой маленький кооперативчик. "А кто остался в лавке" это называется.

— На правах продюсера главные роли для себя подбираете?

— В "Королеве Марго" Харатьян "главный", он Ля Моля играет. А я — Коконна, верного друга, но совсем не положительного героя. Он все время дерется, вечно пьяный, баб хватает за задницы, грубит своей героине. Это абсолютно безумный человек, у которого желаний больше, чем его самого, и все — неприличные.

— А как же ваши бывшие рыцари без страха и упрека?

— Так это сказочные герои. Я их очень люблю, такие во все времена нужны. Но уже в "Сердце трех" мой персонаж не процентно положительный: курит, в сапогах спит на кровати. Он мужественный, но это не значит, что он правильный. Если на то пошло, и герои "Трех мушкетеров" тоже средоточие пороков. Бандиты, пьяницы, клятвопреступники, альфонсы, убийцы...

— Зачем так обижать любимых героев детства?

— Я не говорю, что они — не-

любимые. Но от идеала далеки, хоть и вызывают желание подражать. Может, нам не хватает драки из-за дружбы, лошадей? Я в армии в кавалерии служил, потом, как только смог, конюшню купил. Сейчас, правда, продал, но пара лошадей есть. Иногда в воскресенье выбираюсь к ним, сажусь и начинаю через барьеры прыгать. Недавно так напрыгался, что стер себе всю кожу вдребезги, еле зажило.

Я в детстве недоиграл, я так думаю. Если мне шпагу дадут, народ тут же расходится начинает: говорят, у меня глаз стекленеет. Я отступать в пединках не умею. Как-то на съемках меня два человека "выдергивали", на ноги наступали, чтоб я просто вспомнил, как, фехтуя, назад отходить.

— В жизни тоже не отступаете?

— Стараюсь. Мне же легко ничего не дается. Все, чему научился, досталось большим и тяжелым трудом. Жизнь ведь ступеньками идет. Переступаешь,

это не значит, что расскажет почему. Так устроен.

А Вовка Шевельков, хоть и не радуется перемене, относится ко всему очень спокойно. Он — интеллигент, который стоит немножко в стороне, может потопить, что находится дальше от нас, в Питере. Работать с ним хорошо и приятно, он — легкий и близкий мне человек. Но со своими "тараканами": отказался сниматься в "Королеве Марго". Жалко, потому что я ему очень хорошую роль предлагал — Монсоро.

— А еще друзья у вас есть?

— В Ростове-на-Дону, где я родился, у меня два очень близких друга: Петя Зайцев и Игорь Музжухин, мы в ТЮЗе работали вместе. Еще есть Костя Мазуренко — был артистом, стал предпринимателем, сейчас торчит в Вене и непонятно чем занимается. И есть несколько людей, которые в мой дом входят без стука и предупреждения. Хотя гости у нас редки. Харатьян — и тот всего один раз был, чаще я

Все не обрывается, Иногда болит сильнее — Может, собирается?

Правильно? А мне никто не верит: "Ну да, треплется артист!" Но ужас в том, что я не ставлю запятой, совсем. И меня, конечно, не приняли бы ни в литературный, ни в журналистский. Папа — он научный коммунизм в институте преподавал — отдал меня в ГИТУ. А мама потянула в Москву поступать в театральный институт. Я совсем не собирался быть артистом, честно! Хотя играл в самодеятельности, потому что мама руководила народным театром. И еще потому, что за выступления на "елках" тебя решением горно на пять дней раньше отпускали на зимние каникулы. Но оказался в Шукшинском училище. А потом и первую роль в кино сыграл — русского гусара в картине "Кляквенная записка", которая снималась в Грузии.

— Ваша жена — актриса Театра имени Вахтангова. Там вы и познакомились?

— Нет, на съемках. Вместе с Верой играли в фильме "Шанс", с тех пор вместе. Как шутит один из моих замов: "Жигунов и его первая жена". Все так напрягались сразу: "А что, есть вторая?" И он удивляется: "Разве я сказал, что есть вторая? Вера у него — первая и последняя". У нас две дочки: Насте — тринадцать, Маше — пять. Надеюсь, что они относятся ко мне с уважением, по крайней мере старшая. Не думаю, что она не замечает реакции одноклассников на мое появление в школе или надписей в нашем лифте. Хотя мои шляпки и подзатыльники это ощущение, возможно, стирают. Еще у нас две собаки: на Новый год подарили французского бульдога, а потом Марта Могилевская преподнесла еще одного, по паспорту, по-моему, Дэвида. У нас теща назвала его Джоном, а мы — Крысочком. Потому что он как крысочка такая маленькая, но с острым носом...

— Дом, дети, собаки — это все на жене?

— Да. И еще теща помогает, она рядом живет.

— Сами хоть за хлебом ходите?

— Нет, за хлебом не хожу. В доме я уже давно ничего не делаю. Но я уминый и хитрый и не нахожусь в открытой конфронтации с супругой. Просто первое, что сделал на этом пути, — купил посудомоечную машину, потом стиральную, которая еще и сушит, какой-то пылесос, который сам ковер поливает. И сказал: "На — и забудь про меня!" Правда, оставался мусор, но подростка старшая дочка, она выносит.

— А что делаете вы?

— Пришел, надел халат, лег на диван, упал, умер. Полежал какое-то время, начал есть. Я не успеваю завтракать, обедать и ем один раз в день, вечером. А часам к двум ночи перекусываю еще. Понимаю, что веду нездоровый образ жизни, но ничего не могу с собой сделать. Потом "постреляю" на компьютере и ложусь спать. Смотрю и читаю только белиберду, причем полную. На что-то серьезное сил не хватает — слишком много ощущений за день. Люблю третью сортную американскую фантастику, где чудовища летают или герой выхватывает бластер и простреливает голову дракона...

— А есть литературный персонаж, на которого хотелось бы походить?

— Капитан Гриф из "Сказок южных морей" Джека Лондона. Замечательный дядька, авантюрист, клевый такой. Может, потому, что я и сам авантюрист, но с очень большой долей расчета. Говорю ребятам: "Делаем!" — ничего при этом не понимая и уже по ходу все взвешивая, опираясь на экономический принцип. Сначала ввязаться, а потом посмотреть. И ведь как верно действует — до сих пор очухаться не можем.

— В политику вас тоже авантюризм завлек?

— Я числился директором Киноцентра по кинодеятельно-

сти в тот момент, когда Говорухин был там президентом. С его легкой руки в это дело и втянулся, так что мои политические взгляды сформировались, сами понимаете, под каким углом. В его кабинете успел познакомиться с очень многими бывшими руководителями страны и с уважением к ним отнестись. В те времена я несколько раз делал заявления вразрез с "общим" мнением, за что и получил по зубам. А когда все кончилось путем и помилованием, понял: больше не хочу! Конечно, политика для мужчины завлекательна, но если вовремя не остановиться, затянется, что можно с ума сойти.

Да и грязно все это. Мотивы, которые движут политиками, мне кажется, мало отличаются от мотивов тех группировок, что в районе пивного ларька выясняют, кто будет получать копейку с каждого украденного рубля. И к нам все это не имеет никакого отношения. Меня вон Жириновский "расстрелял" в "поли-

тический Новый год" вместе со всем нашим стоиком! Словом, наглядился на все вблизи и больше не тянет.

— Говорят, времена не выбирают. А если бы можно было выбрать, какую бы эпоху предпочли?

— Я себя хорошо чувствую в этой. Хотя понимаю, что было бы спокойнее жить в брежневские времена: играть молодых комсомольцев, получать звания, путевки, квартиру, стоять в очереди на дачу и машину. Но мне было бы там скучно. Да, здесь я работаю столько, сколько выдерживаю физически и все равно много не успеваю. Пару фильмов "пропустил", пластинку, где Харатьян мои песни поет, так и не сделал. Но мне интересно — все время что-то происходит. И на будущее могу загадывать. Например, снять "Сердце трех-3" или пятьдесят серий по "Трем товарищам", "Черному обелиску" и "Возвращению" Ремарка, экранизировать "Сорок пять" Дюма и "Северные рассказы" Джека Лондона...

— К себе относитесь всеерьез или с юмором?

— Смотря в каких ситуациях. С большой иронией отношусь к тому, что я — артист. С еще большей — к своей известности или предпринимательской деятельности. Но что-то в себе воспринимаю очень серьезно. Не считаю, что я — самовлюбленный дурак, но себя уважаю и думаю, что имею на это право.

— Слышала, в обиду себя не даете. А друзья? Если вдруг на улице увидели драку, как поступите?

— Чем дальше, тем больше боюсь, что начну обходить. Мало что пугало раньше, а теперь страх стал появляться: за дочек, жену, за свое дело. Все равно готов рисковать, но смотря чем и в какой ситуации.

— Зато на съемках передраг не избегаете. Расскажите самый памятный случай...

— Анекдот такой есть. Человечек приходит в магазин и говорит: "Девушка, покажите мне ситчик какой-нибудь веселенький". А продавщица в ответ: "Да любой бери, обхохочешься!" Так и тут. Вы не представляете, что такое жанровое кино и из какого количества веселых и не веселых историй оно состоит. Мне на первых "Гардемаринах" глаз повредило, да так, что из армии комиссовали: нерв зацепило, из-за этого и машину водить не могу. Когда "Сердце трех" снимали, Вовку Шевелькова чуть камнем не убило, да еще он в яму упал глубокую. Разве что на "Ричарде Львиное Сердце" было смешно: костюмчики сделали как положено, килограммов под шестьдесят, в них и сражались...

— Какой-нибудь урок вынесли из столь бурной жизни?

— Очень простой. Как говорил президент: "Работайте — и у вас все будет".

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА.

На снимке: семья ЖИГУНОВЫХ в полном составе.

Фото Юрия ФЕДОРОВА.